

СОЦИАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА

DOI: 10.14515/monitoring.2020.1.13

Правильная ссылка на статью:

Андрееenkova А. В. Межстрановые различия в уровне счастья в постсоветских странах — сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 316—339. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.13>.

For citation:

Andreenkova A. V. (2020) Cross-National Differences in Level of Happiness in the Post-Soviet Countries: A Comparative Analysis. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 316—339. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.13>.

А. В. Андрееenkova
**МЕЖСТРАНОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ СЧАСТЬЯ
В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ — СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

МЕЖСТРАНОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В УРОВНЕ СЧАСТЬЯ В ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАНАХ — СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

CROSS-NATIONAL DIFFERENCES IN LEVEL OF HAPPINESS IN THE POST-SOVIET COUNTRIES: A COMPARATIVE ANALYSIS

АНДРЕЕНКОВА Анна Владимировна — доктор социологических наук, ведущий исследователь, Институт сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ), Москва, Россия

E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>

Anna V. ANDREENKOVA¹ — Dr. Sci. (Soc.), Senior Researcher

E-MAIL: anna.andreenkova@cessi.ru
<https://orcid.org/0000-0002-6776-7703>

¹ CESSI — Institute for Comparative Social Research, Moscow, Russia

Аннотация. Межстрановые различия в субъективной оценке счастья в странах бывшего СССР (от 63% в Молдове до 96% в Узбекистане) уже более двадцати лет остаются довольно значительными, и объяснить их с помощью традиционной линейной социально-экономической модели не удается.

Abstract. Cross-national differences in the subjective evaluation of happiness in the post-Soviet countries range substantially from 63% in Moldova to 96% in Uzbekistan. Conventional linear economic model fails to explain those differences. The data of four trend comparative surveys (WVS, EVS, ISSP and ESS)

Результаты четырех трендовых сравнительных исследований, включающих постсоветские страны (WVS, EVS, ISSP, ESS), показали, что на постсоветском пространстве образовались два кластера с разным механизмом формирования оценок счастья. В одном кластере, куда входят страны Средней Азии, Азербайджан и Армения, основное влияние на оценку счастья оказывают национально-культурные факторы, что в результате ведет к общему высокому уровню оценок, их низкой дифференцированности среди населения и слабой связи оценок счастья с реальными экономическими показателями и другими факторами уровня и качества жизни. В другой кластер входят страны восточноевропейской части региона и Грузия, где основную роль в объяснении межстрановых различий играют факторы социально-экономической среды — уровень экономического развития, свободы от коррупции, развития демократии и человеческого капитала. Таким образом, межстрановые различия в субъективной оценке счастья в постсоветском регионе в значительной степени объясняются различиями в факторах и механизмах формирования таких оценок в разных странах.

Ключевые слова: счастье, субъективное благополучие, межстрановые сравнения, сравнительный анализ, постсоветские страны, Европейское социальное исследование, Всемирное исследование ценностей, межстрановая эквивалентность социальных показателей

Благодарность. Статья подготовлена в рамках работы над грантом Российского научного фонда № 18-18-00341 «Ценностная трансформация и субъективное качество жизни: региональная перспектива».

shows that two different sets of factors influence the evaluation of happiness among general population in this region. National characteristics and cultural factors have the main impact in Central Asian countries, Azerbaijan and Armenia. This group of countries is characterized by the high level of happiness scores, low differentiation of scores among general population and weak relationship between the evaluation of happiness and economic or political indicators. In contrast, socio-economic factors, such as the level of economic development, freedom from corruption, and human capital play the major role in explaining happiness in Russia, Ukraine, Moldova, Baltic countries and Georgia. These countries are characterized by lower general happiness scores and stronger relation of it with socio-demographic and economic factors. Large cross-national differences in subjective evaluation of happiness can be explained by the differences in mechanisms and factors influencing the perception of happiness in the post-Soviet countries.

Keywords: happiness, subjective wellbeing, cross-national differences, comparative analysis, post-Soviet countries, World Value Survey, European Social Survey, equivalence of social indicators in cross-national research

Acknowledgments. This article is supported by the Russian Science Foundation, grant no. 18-18-00341 “Transformation of Values and Subjective Quality of Life: a Regional Perspective”.

В последние три десятилетия в результате переосмысления целей общественного развития и перехода от приоритета экономического роста к идее качества жизни изучение феномена счастья стало актуальным направлением научного поиска в разных научных дисциплинах — социологии, экономике, социальной психологии, социолингвистике. В начале XX века Питирим Сорокин предложил включать показатель счастья в систему оценки социальных достижений: «Все критерии прогресса, какими бы разнообразными они ни были, так или иначе подразумевают и должны включать в себя принцип счастья» [Сорокин, 1992: 511]. Долгое время к этому предложению мало прислушивались, основными оставались макроэкономические показатели, но позже ситуация начала меняться. Измерение уровня счастья проводится с помощью опросов населения почти во всех странах мира, включается во многие крупнейшие сравнительные межстрановые исследования. Оценка счастья входит в систему показателей общественного прогресса ведущих международных организаций и многих государств, достижение счастья и общественного благополучия признано фундаментальной целью общемирового развития ООН.

Понятие счастья является частью бытового, литературного и философского словаря многие столетия, но предметом научного социологического изучения стало лишь в прошлом веке. В качестве социологической категории счастье может рассматриваться как индивидуальная терминальная ценность, как критерий социального прогресса, «социального здоровья» нации и как эмоциональный аспект общей оценки благополучия жизни, ее «успешности» наряду с «удовлетворенностью жизнью», представляющей когнитивный аспект. По определению нидерландского социолога Р. Венховена, «субъективная оценка счастья — это суждение, которое человек выносит относительно качества своей жизни, насколько человеку нравится жизнь, которую он(а) ведет» [Veenhoven, 2012: 334].

При проведении межстрановых сравнений счастье используется в качестве ключевого интегрального показателя социального прогресса. Начиная с первого эмпирического сравнительного исследования, включавшего измерение счастья в межстрановом контексте, — «Модели человеческих тревог» Кантрила (The Pattern of Human Concerns, 1965), — все больше масштабных сравнительных исследований, охватывающих большинство стран мира, оценивают этот показатель. Результаты разных исследований, измеряющих счастье, собраны во Всемирную базу данных счастья (*World Database of Happiness*). На сегодняшний день их в базе более 4,5 тыс.¹

Максимально высокий уровень счастья для максимально большого количества людей — цель и задача социальной политики, общественных и государственных институтов, а также мера эффективности их работы в большинстве современных государств. Многочисленные рейтинги стран по уровню счастья являются мерилем успешности стран в негласном соревновании по достижению таких целей². Несмотря на различия в методах измерения и построения индексов, все подобные

¹ World Database of Happiness // Erasmus University Rotterdam; Happiness Economics Research Organization. URL: <http://worlddatabaseofhappiness.eur.nl> (accessed: 08.02.2020).

² Пример такого рейтинга — World Happiness Report «Сети решений устойчивого развития» при ООН (UN Sustainable Development Solutions Network), публикуемый с 2012 г. В основе рейтинга лежит шкала Кантрила (от «лучшей жизни, которую Вы можете для себя представить» до «худшей»), включенная во Всемирный опрос Гэллага. Другой пример — Индекс счастья на планете Фонда новой экономики (Happy Planet Index, New Economics Foundation).

рейтинги показывают, что субъективная оценка счастья существенно различается и между странами, и между регионами мира. Наиболее «счастливыми» регионами выступают Западная Европа, Северная и Южная Америка, африканский же континент наименее «счастлив». Большинство постсоветских стран, за исключением нескольких, занимают в рейтингах счастья довольно низкое положение, хотя в последние годы наметилось постепенное движение в позитивном направлении.

Значительная часть социологических работ о счастье посвящена выявлению факторов, влияющих на субъективное благополучие, попытке ответить на вопрос, что именно делает людей счастливыми. Среди постсоветских стран основным объектом анализа внутристрановых детерминант счастья выступала Россия [Andreenkova, Scherpenzeel, 1996; Козырева, Низамова, Смирнов, 2016]; работ, посвященных другим постсоветским странам, гораздо меньше, и в них чаще анализируется показатель удовлетворенности жизнью [Namazie, Sandfrey, 2001; Abbot, Sapsford, 2006; Abbot, 2007]. Среди выявленных в ходе исследований факторов, влияющих на оценку счастья и субъективное благополучие в странах постсоветского региона, — материальное положение, возраст, пол, социальный статус, трудовое положение, благополучная семейная жизнь, социальные связи, социально-психологические характеристики личности, восприятие общей социальной и экономической атмосферы в стране — экономического благополучия, справедливости, стабильности [Козырева, Низамова, Смирнов, 2016; Черныш, 2019; Андрееenkova, Андрееenkova, 2019].

Вопрос о том, насколько универсально влияние таких факторов и насколько схожа структура факторов между разными странами региона, остается пока открытым. Причины межстрановых различий в уровне счастья в постсоветском регионе также еще недостаточно изучены. В ряде работ было показано, что страны этого региона располагаются значительно ниже в рейтинге стран по счастью и субъективному благополучию по сравнению с тем, что можно было бы ожидать, исходя из экономических показателей [Inglehart, Ponarin, 2013]. Выдвигаются предположения о влиянии посттравматического синдрома в период радикальных изменений социально-экономической и политической структуры этих обществ, негативно сказавшегося на благосостоянии людей и их социальном самочувствии — ощущении безопасности и стабильности, доверии и лояльности институтам и социальным группам [Sztompka, 2000]. Но ситуация в постсоветском регионе далеко не полностью соответствует таким теориям. Переходный период стал общим историческим фактором для всех стран постсоветского региона, однако его влияние проявлялось в разных странах по-разному. Значительные различия в оценке счастья между странами и их несоответствие скорости и успешности проведения реформ говорят о том, что нужно искать дополнительные источники межстрановых различий помимо посттравматического синдрома.

Целью данной работы является проверка гипотез о возможных причинах межстрановых различий в субъективной оценке счастья на постсоветском пространстве. В ходе анализа субъективная оценка счастья будет пониматься как *обобщенное суждение о процессе жизни в конкретных социальных условиях* — в отличие от социально-психологического понимания ощущения счастья как эмоции или ощущения. При таком подходе оценка счастья включает как оценку результата, достигнутого на определенный момент времени — успешности, реализация намеченных целей,

желаемого положения,— так и оценку самого процесса, радости и других положительных впечатлений при проживании определенного отрезка жизни.

Счастье в сравнительных межстрановых исследованиях на постсоветском пространстве

В сравнительных межстрановых исследованиях измеряются разные аспекты счастья, и для этого используются разные методики и индикаторы. Наибольшее количество методик относится к изучению *социально-психологических аспектов счастья*. Среди них — индексные методы, например, шкала Брадбурна (Affect Balance Score — ABS) и шкала удовлетворенности жизнью Динера (SWLS), нарративные методы — дневниковые, автобиографические, а также методы наблюдения за эмоциональным состоянием человека внешним наблюдателем и измерение физических характеристик и реакций. Методов измерения счастья как *интегрального суждения о качестве и благополучии жизни* разработано гораздо меньше. В массовых опросах по случайным выборкам населения в основном применяется метод прямого вопроса-самооценки. Проведенный нами анализ документов ведущих трендовых сравнительных межстрановых исследований последних десятилетий показал, что для измерения субъективного благополучия *вопрос об удовлетворенности жизнью* используется гораздо чаще, чем вопрос о счастье.

Вопросы о счастье включаются во многие социологические исследования, проводимые в странах постсоветского региона, однако сравнительных данных о счастье, которые обладали бы приемлемым уровнем методической эквивалентности, позволяющей проводить такие сравнения, для этого региона совсем немного. К масштабным сравнительным межстрановым трендовым исследованиям, проводящимся в некоторых постсоветских странах и включающим вопрос о счастье, относятся Всемирное исследование ценностей (WVS), Европейское исследование ценностей (EVS), Международная программа социальных исследований (ISSP) и Европейское социальное исследование (ESS). В эти исследования в разные годы входило разное количество стран постсоветского региона, и ни в одно из них не входят все страны. Поэтому для проведения анализа по максимальному количеству стран региона будут использоваться данные всех этих исследований (см. табл. 1).

Эмпирическая база

Четыре сравнительных исследования проводились по случайным вероятностным выборкам взрослого населения (18 лет и старше в WVS/EVS/ISSP и 15 лет и старше в ESS) методом личных интервью на дому у респондентов при размере выборки от 1000 до 2800 в каждой стране³. Две из 15 бывших республик СССР — Таджикистан и Туркменистан — не включены ни в одно из этих исследований, поэтому наш анализ будет ограничен 13 странами.

В четырех сравнительных исследованиях счастье оценивалось с помощью вопросов о самооценке счастья с разными метрическими характеристиками: в WVS/EVS используется 4-балльная вербальная шкала, в ISSP — 7-балльная метриче-

³ Более подробная информация о методологии каждого исследования и базы исходных данных размещены на сайтах www.europeansocialsurvey.com, www.ess-ru.ru, www.worldvaluessurvey.org, <http://europeanvaluesstudy.eu>, <http://www.issp.org> (последний доступ: 08.02.2020).

ская полностью вербализованная шкала, а в ESS — 11-балльная метрическая с вербальными значениями только на концах шкалы. Все это затрудняет прямое сравнение данных разных исследований. Дополнительную трудность в определении эквивалентности данных между странами и временными точками создают различия в формулировках (переводах) на один и тот же язык (русский) в разных странах (во всех трех исследованиях), а также между разными волнами исследования в одной и той же стране (WVS/EVS).

Уровень и динамика уровня счастья в постсоветских странах в последнее двадцатилетие

Общность социальных процессов, в том числе радикальная трансформация социально-экономических и политических основ жизни обществ, сходство институциональных условий социализации нескольких поколений людей, общая система образования, информационная среда и образ жизни, русский язык как общий язык межнационального общения дают основания предполагать, что оценки уровня счастья между странами этого региона должны быть схожими. Однако эмпирические данные говорят об обратном. Различия между странами в уровне счастья довольно велики, хотя по сравнению с первым послереформенным десятилетием заметно сократились. В 2000-х гг. доля населения постсоветских стран, оценивающих свою жизнь на позитивной части шкалы счастья, составляет большинство, что соответствует общемировой тенденции.

Таблица 1. **Уровень счастья в постсоветских странах по данным сравнительных межстрановых исследований (% позитивно оценивающих уровень счастья)**

Страна	WVS 1996—1997	WVS 2011	EVS 2008	EVS 2017	ISSP 2012—2013	ESS 2012	ESS 2016
Латвия	69		75		75	65	
Литва	55		64	74	55	68	68
Эстония	64	77	77	84		73	80
Беларусь	45	64	77	89			
Россия	50	73	69	77	67	61	63
Украина	46	68	67			60	
Молдова	43	50	63				
Грузия	66	70	68	79			
Армения	55	82	74	83			
Азербайджан	77	81		80			
Казахстан		89					
Кыргызстан	84	96					
Узбекистан		96					

Примечание. Данные WVS/EVS, 4-балльная шкала (в таблице % «очень» и «скорее счастливы»), в России опрос проведен в 1995 г., в Кыргызстане в 2003 г. Данные ISSP 2012—2013 гг., 7-балльная шкала (% для вариантов с 1 по 3: «полностью», «очень» или «скорее счастлив»). Данные ESS в 2012 и 2016 гг., рассмотрены варианты с 6 по 10 по шкале от 0 — «очень несчастливый» до 10 — «очень счастливый».

Пропуски в таблице означают, что конкретная страна не была включена в соответствующую волну опроса.

Данные говорят о том, что в последние два десятилетия в постсоветских странах происходят динамичные процессы в восприятии счастья (см. табл. 1). В середине 1990-х гг. в большинстве стран региона на позитивной части шкалы счастья находились около 50 % населения, а это один из наиболее низких уровней в мире. Однако к середине 2010-х годов доля таких людей увеличилась до двух третей. Этой тенденции не соответствует ситуация в Кыргызстане и Азербайджане: субъективная оценка счастья в этих странах значительно превышает не только среднее значение по региону на тот период, но также выше, чем оценки счастья в других странах региона и в более благополучное последующее десятилетие — догнать их остальным странам не удалось. Есть все основания полагать, что и в других странах Средней Азии, не представленных в этих четырех сравнительных исследованиях, уровень счастья, измеряемого с помощью опросов населения, в 1990-х гг. был очень высок.

По данным WVS, куда включено наибольшее количество стран региона, постсоветские страны образуют три кластера по оценке уровня счастья.

Кластер 1. Страны с высоким уровнем счастья, одним из самых высоких в мире (89 % и больше «очень» или «довольно счастливы»): Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан. Доля «очень счастливых» в Казахстане и Кыргызстане очень значительна — около трети, а в Узбекистане — рекордные 65 %.

Кластер 2. Страны с уровнем счастья, близким к среднемировому (70—80 %): Азербайджан, Армения, Эстония, Латвия и Беларусь.

Кластер 3. Страны с низким уровнем счастья: Россия, Грузия, Украина, Литва и Молдова.

Данные последних лет показывают, что происходит движение в направлении преобразования трехчленной конфигурации стран региона в двухчленную: страны Средней Азии, Армения и Азербайджан с уровнем оценки счастья выше среднемирового и страны восточноевропейской части региона и Грузия, где уровень счастья до сих пор ниже среднего по миру.

Причины межстрановых различий в уровне счастья в постсоветских странах

Есть две основные гипотезы о факторах, приводящих к межстрановым различиям в уровне счастья. Первая предполагает доминирующее влияние социальной среды и макроэкономических условий, вторая — национально-культурных факторов.

Влияние экономических, политических и других макросоциальных факторов на оценку счастья в разных странах

Исследования мировых данных о счастье и других показателей субъективного благополучия показали, что уровень счастья на общестрановом уровне в значительной степени зависит от благоприятности общих условий жизни в стране или позитивной динамики этих условий [Di Tella, MacCulloch, Oswald, 2003].

Для проверки этой гипотезы для стран постсоветского региона используется четыре группы макросоциальных показателей.

1. Экономические факторы: ВВП на душу населения, показывающий текущий уровень богатства страны, и уровень инфляции — динамический аспект (данные Всемирного банка).

2. Социально-экономические факторы: индекс экономического неравенства (индекс Джини Всемирного банка по шкале от 0 до 100, где 100 — абсолютное неравенство) и размер социальной поддержки населения со стороны государства — средний размер пенсии по старости в сравнимых ценах (данные комитетов статистики этих стран).
3. Политические факторы: Индекс развития демократии (Индекс Economist по шкале от 0 до 10, где 10 — наибольший уровень демократии), Индекс коррупции (Transparency International, шкала от 0 до 10, где 10 означает полную свободу от коррупции).
4. Демографические и социально-структурные факторы: ожидаемая продолжительность жизни, урбанизация и уровень образования (данные комитетов статистики этих стран).

Уровень счастья в стране оценивается по данным Всемирного исследования ценностей 2011 г. и Европейского исследования ценностей 2008 г., в которые включено максимальное число стран постсоветского региона (13 стран, кроме Туркменистана и Таджикистана) и используется вопрос о счастье с одинаковыми метрическими характеристиками. Анализ проведен по двум показателям: общий уровень счастья определяется как доля населения, оценивающего уровень счастья на позитивной стороне шкалы («очень» или «довольно счастливы»), а максимально высокий уровень счастья — доля оценивающих свое положение как «очень счастлив».

Взаимосвязь уровня счастья с макроэкономическими показателями в постсоветских странах довольно низкая (см. табл. 2, Приложение 1). Статистически значимые корреляции общего уровня счастья обнаружены лишь по Индексу демократии и уровню урбанизации. Мы ограничиваемся корреляционным анализом, так как более сложные статистические методы на небольшом количестве стран (кейсов) имеют низкую надежность, к тому же большинство из факторов мультиколлинеарны. В целом макроэкономические и социально-политические показатели условий жизни в стране не могут объяснить всех межстрановых различий в уровне счастья во всем постсоветском регионе.

Страны региона кластеризуются в две группы по взаимосвязи уровня счастья и макропоказателей условий жизни в стране. Первую группу составляют три страны Средней Азии и две страны Закавказья (Азербайджан и Армения), где оценка счастья очень высока, а большинство социально-экономических и политических показателей низкие. Вторая группа — страны европейской части региона и Грузия, где общий уровень оценки счастья гораздо ниже, а взаимосвязь с макроэкономическими показателями выше.

В восточноевропейской части региона уровень оценки счастья в стране линейным образом соответствует положению страны по целому ряду изучаемых макропоказателей. В частности, чем выше ВВП на душу населения, который говорит об экономическом уровне страны в целом, и чем выше уровень пенсий как показатель материального благополучия населения, тем выше оценка счастья. Самая высокая она в Эстонии, как и ВВП на душу населения и средний размер пенсий, а самая низкая — в Молдове с самым низким ВВП и одним из самых низких размеров пенсий. Еще по ряду показателей, таких как индекс коррупции, средняя

продолжительность жизни и доля людей с высшим образованием, связь с уровнем счастья в восточноевропейской части региона также в целом линейна, но с некоторыми исключениями. Таким образом, среди стран восточноевропейской части региона макроэкономические, социальные и политические показатели связаны с уровнем счастья в ожидаемом направлении, что соответствует социально-экономической модели межстрановых детерминант счастья. Исключения составляют Грузия и Беларусь. В Беларуси уровень счастья ниже, чем можно было бы предположить, исходя из экономических и социальных показателей этой страны, хотя уровень инфляции, размер пенсий и индекс демократии там довольно низкие. В Грузии, напротив, уровень счастья выше ожидаемого на основе экономических показателей, но в этой стране средняя продолжительность жизни, доля людей с высшим образованием и Индекс свободы от коррупции довольно высокие.

Таблица 2. **Влияние макросоциальных условий на уровень счастья в постсоветских странах**

	Общий уровень счастья, %	Макс. высокий уровень счастья, %	ВВП на душу, долл.	Инфляция, %	Неравенство	Сред. размер пенсий, долл.	Индекс демократии	Индекс коррупции	Урбанизация, %	Высшее образование, %	Продолжительность жизни, годы
Латвия	75	10	12270	4	35,8	331	7,05	4,2	68	24	74
Литва	74	8	12999	4	32,5	305	7,24	4,8	67	24	74
Эстония	77	13	15799	5	32,5	353	7,61	6,4	68	32	76
Беларусь	64	11	6375	8	27,2	113	3,16	2,4	75	20	71
Россия	73	15	11230	8	39,7	257	3,92	2,4	74	24	70
Украина	68	16	3138	8	24,6	153	5,94	2,3	69	16	71
Молдова	63	9	1743	8	30,6	75	6,32	2,9	43	12	70
Грузия	70	21	3220	7	39,6	68	4,74	4,1	56	30	73
Армения	82	31	3372	8	29,4	70	4,09	2,6	63	38	74
Азербайджан	81	27	5771	8	41,8	185	3,15	2,4	54	15	71
Казахстан	89	31	9603	8	28	192	3,24	2,7	57	21	69
Кыргызстан	96	36	921	17	27,8	111	4,34	2,1	35	14	70
Узбекистан	96	65	1452	13	35,3	122	1,74	1,6	51	16	70
Корреляции											
Общий уровень счастья			0,172	0,188	0,017	0,031	0,470*	0,285	0,503*	0,079	0,224
Макс. высокий уровень счастья			0,512**	0,019	0,063	0,393	0,724**	0,538*	0,490*	0,166	0,384

Примечание. Данные о счастье — WVS 2011. Латвия, Молдова, Литва — EVS 2008, EVS 2017. Все показатели приводятся за 2011 г. — наиболее приближенный к замеру уровня счастья в WVS/EVS.

** — стат. значимость коэффициента на уровне $p < 0,01$, * — на уровне $p < 0,05$.

Кластеризация стран по субрегионам (среднеазиатскому, закавказскому и восточноевропейскому) говорит о том, что помимо социально-экономических факторов определенную роль в формировании субъективных представлений о счастье могут играть национально-культурные особенности населения.

Влияние культурно-национальных факторов на оценку счастья в разных странах

Гипотеза культурной детерминированности оценок счастья говорит о том, что восприятие счастья зависит не только и не столько от условий, в которых люди живут в настоящем, а от глубоких, усвоенных поколениями представлений о жизни, от коллективных норм и традиций. Странники такой теории А. Инкелес и Д. Левинсон утверждали, что различия в уровне счастья между странами возникают в результате уникальности культурных характеристик нации, «национального характера» [Inkeles, Levinson, 1997]. Роль культуры в оценке счастья неоднократно отмечалась исследователями [Conzo et al., 2017; Ford et al., 2015; Joshanloo, Weijers, 2014], но вопрос о том, какие именно стороны культуры оказывают влияние и каковы его механизмы, остается нераскрытым. Нередко, объясняя наблюдаемые различия в каких-либо процессах или явлениях широким понятием культуры, исследователи косвенным образом признаются в отсутствии каких-либо определенных гипотез. Как пишут американские исследователи группы Э. Динера, «нет строгих исследований, изучающих причинные механизмы, связывающие культуру и удовлетворенность жизнью. Тем не менее представляется естественным ожидать, что культурные факторы формируют коллективное понимание счастья и смысла жизни» [Diener et al., 2002].

В теоретическом плане мы предполагаем, что национально-культурные особенности при оценке уровня счастья в опросах проявляются в нескольких формах, что усложняет эмпирический анализ. Первая из них — влияние **культурно-нормативной системы общества** на восприятие счастья, например, позитивная интерпретация происходящих событий, запрет на жалобы, интерпретации счастья как нормального состояния, а несчастья — как отклонения. Помимо этого, культурные нормы могут влиять на презентацию и выражение счастья при коммуникации. Такие нормы могут регулировать степень откровенности с незнакомцами о личных проблемах (несчастьях), а также воздействовать на способы самопредставления. Например, в маскулинных культурах нормативно поддерживается образ сильного, здорового, успешного человека, в более феминных — скромного и умеренного в оценках, не слишком самоуверенного. Социальные нормы в определенных культурах могут стимулировать стремление «не сглазить», не спугнуть удачу, либо показать свою рациональность — критичность и осторожность вместо беспечной радости от достигнутого, понимание временности и иллюзорности счастья. Культурные нормы связаны с установленными формами вежливости, например, требованием позитивно высказываться о своей жизни и не жаловаться на проблемы, либо давать более осторожные оценки, чтобы не выделяться среди других, не вызывать зависти. Такие нормы влияют на выражение счастья, оценку счастья перед другими людьми, на процесс измерения оценки счастья, при этом само восприятие, самоощущение счастья не обязательно затрагивается. В результате «измеряемый» уровень счастья может существенно отличаться от «истинного» и приводить к межстрановым различиям. Если предположить, что в разных культурах сформировались разные доминирующие нормы в отношении счастья и его представления перед другими, это могло бы послужить объяснением межстрановых различий в уровне счастья в каких бы социально-экономических и полити-

ческих условиях ни находилась страна. Сила давления коллективных культурных норм в разных культурах также может быть разной.

Влияние культуры проявляется не только через социальные нормы восприятия или представления счастья, но и через индивидуальные социально-психологические черты личности, структуру типов личности в обществе, например, преобладание оптимистов, экстравертов или, наоборот, пессимистов или интровертов [Ostroot, Snyder, 1985]. Определенные социально-психологические черты (гедонизм, открытость, оптимизм, высокая самооценка) могут быть позитивно связаны с оценкой счастья. Третьей формой проявления культуры при оценке счастья является влияние коллективных социально-психологических черт, национального характера, коллективных представлений о счастье.

Возможности для проверки этих гипотез с помощью существующих в сравнительных исследованиях эмпирических данных довольно ограничены. Один из путей такой оценки — использование характеристик «национальность» и «родной язык» как интегральных показателей принадлежности к определенной культуре. Сходные оценки счастья у людей одной национальности или одного родного языка, живущих в разных странах, будет говорить о проявлении влияния культуры на оценки счастья.

Данные в таблице 3 показывают, что национально-культурные факторы оказывают определенное влияние на оценку счастья в постсоветских странах, хотя это влияние не всегда однонаправленно. В половине стран оценка счастья среди русских по национальности или языку, живущих в разных странах, отличается от оценки русских в России в направлении среднего значения счастья в этой стране. В результате нельзя с уверенностью утверждать, что оценка счастья является коллективной национальной чертой, присущей русским по культуре независимо от страны, то есть условий проживания. Например, стереотипное представление о том, что русские — «грустные» и «несчастливые» [Veenhoven, 2001], не подтверждается — в Средней Азии русские проявляют себя как вполне «счастливые». Вместе с тем в большинстве стран оценка счастья среди русских значительно отличается от оценки счастья среди людей титульной нации, то есть определенное влияние культурные особенности оказывают. В странах Средней Азии русские по национальности или языку оценивают счастье ниже, чем жители титульных наций, но выше, чем русские в России. Оценки в уровне счастья между русскими и титульной нацией различаются в Азербайджане, Молдове и Латвии.

По имеющимся данным можно заключить, что культура, выраженная через показатели национальности и родного языка, влияет на межстрановые различия в уровне счастья в постсоветском регионе, хотя полностью объяснить такие различия принадлежностью к разным национальным культурам не позволяет. Предположительно, при длительном проживании среди людей другой культуры происходит постепенная интернализация элементов другой культуры в отношении представлений о счастье, либо (что, на наш взгляд, более вероятно) происходит усвоение культурных норм коммуникации, представления оценок счастья перед другими людьми, а также соблюдение правил вежливости основной культуры. В этом случае разделить влияние социально-экономических и политических условий страны (среды) и культурных факторов путем сравнения оценок счастья представителей разных культур в одной стране не удастся.

Таблица 3. **Национально-культурные факторы и уровень счастья**

	WVS (2011), %					ESS (2016), %				
	Общий уровень счастья	Родной язык		Национальность		Счастье (6—10)	Родной язык		Национальность	
Титульный		Русский	Титульная	Русский	Титульный		Русский	Титульная	Русский	
Латвия	69	77	56	74	58	65	67	63	67	НД
Литва	55	55	55			68	68	71	68	75
Эстония	77	77	75			80	83	72	83	68
Беларусь	64	51	66	64	64					
Россия	73		73			63		63		63
Украина	68	68	69	69	65	60	60	60	61	НД
Молдова	50	49	56	50	49					
Азербайджан	81	81	73							
Казахстан	89	93	84	92	82					
Кыргызстан	96	97	86	97	84					
Узбекистан	96	97	84	97	83					

Примечание. Приведены данные там, где есть соответствующие вопросы о национальности и языках. Страны — те, где количество кейсов по русскому языку или русской национальности больше 50 (поэтому Армения и Грузия не включены в анализ). WVS — Казахстан 2014, Молдова 2008, Латвия, Литва 1998, ESS — Украина 2012, Латвия 2008.

Теоретически при оценке уровня счастья культура может проявляться также через ценностно-мировоззренческую целостность и значимость групповой принадлежности — чем она выше, тем более консолидированное мнение о счастье можно ожидать среди членов этой культуры. Предположительно, высокая сплоченность возникает в традиционных обществах, где сильны социальные связи, власть авторитета, старших, высока преемственность ценностей, а также ценность социальной гармонии внутри группы. И напротив, чем выше ценностно-мировоззренческое разнообразие, что характерно для современных постиндустриальных обществ, тем ниже социальное давление норм на оценку и презентацию оценки счастья. Для эмпирической проверки этой гипотезы мы используем несколько индикаторов, измеряемых во Всемирном исследовании ценностей. О ценностной сплоченности в обществе говорит уровень межличностного доверия. В качестве индикаторов ценности групповой принадлежности в анализ включены высокая ценность одобрения семьи, общая ценность общественного одобрения и «правильного поведения», а также ценность традиций в противоположность эмансипативным ценностям разнообразия, равенства, индивидуализма [Алмакаева, Мавлевтова, 2018]. Дополнительно проверена связь уровня счастья в обществе с распространенностью ценностей гедонизма, измеренного в рамках методики Ш. Шварца в WVS 2011.

Взаимосвязь межличностного доверия и оценки счастья на уровне стран довольно низкая (см. табл. 4, Приложение 2). Страны с самым высоким уровнем межличностного доверия — Казахстан, Кыргызстан и Беларусь — показывают довольно высокий уровень счастья, но к таким странам не относится лидер по сча-

стью Узбекистан. В Армении, где оценка счастья выше средней по региону, уровень межличностного доверия значительно ниже среднего.

Таблица 4. **Взаимосвязь ценностно-мировоззренческих факторов и оценки счастья (WVS, 2011)**

	Счастье		Доверие	Ценность одобрения семьи	Ценность общественно-общественного одобрения	Ценность традиций	Гедонизм
	Очень счастлив, %	Очень + довольно счастлив, %	большинству людей можно доверять, %	полностью согласен, %	Очень или довольно похоже на меня, %	Очень или довольно похоже на меня, %	Очень или довольно похоже на меня, %
Эстония	13	77	40	23	47	41	25
Беларусь	11	64	36	33	44	54	21
Россия	15	73	30	25	54	57	36
Украина	16	68	25	36	47	57	19
Грузия	21	70	9	56	80	88	24
Армения	31	82	11	50	66	74	14
Азербайджан	27	81	15	44	54	81	34
Казахстан	31	89	38	50	50	51	23
Кыргызстан	36	96	38	72	52	61	31
Узбекистан	65	96	14	88	85	83	38
Корреляции							
Корреляция с Общим уровнем счастья (очень + довольно счастлив)			0,014	0,756*	0,324	0,188	0,432
Корреляция с макс. высоким уровнем счастья (очень счастлив)			-0,366	0,914**	0,672*	0,523	0,444

Примечание. В анализ включены только 10 стран, входящих в WVS 2011.

** стат. значимость коэффициента на уровне $p < 0,01$, * на уровне $p < 0,05$.

Ценность одобрения семьи измеряется вопросом: «Одна из моих важнейших жизненных целей — сделать так, чтобы родители мною гордились» (1 — полностью согласен, 4 — полностью не согласен). Ценность общественного одобрения: «Для этого человека важно всегда вести себя правильно, не совершать поступков, которые люди не одобрили бы» (1 — очень похоже на меня, 6 — совсем не похоже на меня), часть Шкалы Шварца. Ценность традиций: «Для этого человека важно следовать традициям и обычаям, принятым в его семье или религии» (1 — очень похоже на меня, 6 — совсем не похоже на меня). Гедонизм: «Для этого челове-

ка важно хорошо проводить время, баловать себя» (1 — очень похоже на меня, 6 — совсем не похоже на меня), часть Шкалы Шварца. Коэффициент корреляции между этими характеристиками и уровнем счастья отрицательные, так как шкалы в этих вопросах разнонаправлены.

Уровень счастья на страновом уровне наиболее тесно связан с ценностью одобрения в семье как жизненной цели. Такая ценность очень велика в Узбекистане и Кыргызстане, чуть ниже в Казахстане, Азербайджане и Армении, то есть именно в тех странах, где оценка счастья самая высокая в регионе. В странах восточно-европейской части региона и в Грузии ценность одобрения в семье значительно ниже, а взаимосвязь с оценкой счастья разнонаправлена.

Ценности общественного одобрения и традиций на страновом уровне в меньшей степени взаимосвязаны с уровнем счастья в стране, чем другие исследованные показатели. Такие ценности распространены в Узбекистане и всех трех странах Закавказья, в остальных странах — гораздо меньше. При этом две страны с очень высокой оценкой счастья — Казахстан и Кыргызстан — по этому параметру ближе к странам с низкой оценкой счастья, чем к странам своей группы по счастью. Ценность удовольствий и гедонизма в жизни на уровне стран также не имеет сильных объяснительных возможностей.

В результате проведенного анализа мы подошли к пониманию общей модели формирования оценок счастья, которая может быть представлена как сочетание влияния факторов «ядра» и периферии. «Ядро» страновой специфики в оценке счастья составляют национально-культурные особенности населения. Каждая национальная группа является носителем своего ценностно-нормативного базиса, который служит основой для формирования оценок счастья и выражения этих оценок в процессе измерения в опросах. Такие факторы способствуют закреплению определенных оценок счастья как культурной нормы, служат основой стабильности в оценках счастья в одной и той же культуре и стране на протяжении определенного периода времени. Чем более сплочена и однородна ценностно-нормативная структура общества, тем сильнее давление доминирующих норм и тем сильнее влияние культурных факторов на оценку счастья, независимо от условий жизни и других внешних условий. В таких обществах при длительном сосуществовании разных культур в процессе аккультурации усваиваются новые нормы и видоизменяются старые, регулирующие оценку счастья, что приводит к определенному сближению в оценках счастья людьми разных национальностей и языковых групп. Более вероятно, что такое влияние оказывается в первую очередь на представление оценок счастья в процессе интервью, но также может воздействовать и на само восприятие счастья.

Социально-экономические и политические условия, влияющие на весь жизненный уклад нации, оказывающие долговременные воздействия на стиль жизни, стратегии адаптации и жизненные ценности людей, определенным образом входят в систему культурно-ценностных особенностей разных национальных групп. Вместе с тем такие условия являются динамическим элементом, влияющим на изменения в оценках счастья, которые постепенно происходят в большинстве стран. Улучшение таких условий ведет к повышению оценок счастья, но в рамках определенного интервала, задаваемого национально-культурными

особенностями группы. Таким образом, культура выступает цементирующим относительно статическим элементом, а социально-экономические и политические условия — динамическим. Мы также предполагаем, что ценностно-мировоззренческая целостность и значимость групповой принадлежности, характерные для традиционных обществ, ведут к увеличению стабильности в оценках счастья и увеличивают значимость факторов культуры в определении общего уровня счастья в стране. Напротив, ценностно-мировоззренческое разнообразие ослабляет влияние культуры и приводит к повышению значимости внешних условий — социально-экономических и политических.

Заключение

Межстрановые данные об уровне счастья на постсоветском пространстве в последние два десятилетия дают основание предположить, что начался процесс постепенной конвергенции, сокращения неравенства между странами в отношении субъективной оценки качества своей жизни, выраженной через показатель счастья, хотя пока такой тренд нельзя назвать устойчивым, а различия между странами еще очень велики. Этот процесс вызван сочетанием разных факторов — постепенным улучшением социально-экономических и политических условий в этих странах, расширением процесса модернизации, отчасти конвергенцией культурных моделей и образа жизни. Однако ни факторы социально-экономических и политических условий в стране, ни национально-культурные факторы независимо друг от друга не могут объяснить существенные межстрановые различия в оценке счастья в постсоветских странах. Мы предполагаем, что источник таких различий не только многофакторный, но и имеет сложную иерархическую структуру.

На постсоветском пространстве образовались два региона с разными механизмами формирования оценок счастья. В странах, где сохранились традиционные межличностные связи и наблюдается ценностно-нормативная целостность общества, сильно социальное давление, оценка счастья формируется и выражается в основном под воздействием национально-культурных факторов и в меньшей степени зависит от социально-экономических и политических внешних условий жизни. К этой группе относятся Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан, Азербайджан и Армения. В этих странах в процессе аккультурации нормы доминирующей культуры влияют на формирование мнений или на способы выражения этих мнений у других национальных групп в вопросе о счастье.

В другой группе, к которой относятся страны восточноевропейской части региона и Грузия, ценностно-нормативная целостность и социальное давление при формировании оценок счастья гораздо слабее, а более важное значение приобретают факторы условий жизни — экономические, социальные и политические.

Различия в механизмах и факторах, влияющих на формирование оценок счастья в двух частях постсоветского региона, говорят о том, что интерпретация этого понятия также разная. В странах, где счастье оценивается в основном под влиянием факторов условий жизни и состояния внешней среды, она может интерпретироваться как показатель социального прогресса, а динамика такой оценки говорит о движении к более благополучному обществу. В странах, где оценка счастья формируется в основном под воздействием национально-культурных

факторов, она является частью ценностного «ядра», а мерилем успехов конкретных социально-политических решений или степени благополучности общества и качества жизни она не служит.

Список литературы (References)

Алмакаева А. М., Мавлетова А. М. Модернизационные процессы в России: ожидать ли сдвига в сторону эмансипативных ценностей? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. 2018. № 6. С. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>.

Almakaeva A. M., Mavletova A. M. (2018) Modernization Process in Russia: Can We Expect the Shift to Emancipative Values? *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 91—112. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.6.05>. (In Russ.)

Андрееenkova А. В., Андрееenkova Н. В. Детерминанты удовлетворенности жизнью в России и Европе: Сравнительный анализ // Дискурс. 2019. № 1. С. 67—81. URL: <https://discourse.etu.ru/assets/files/a.-v.-andreeenkova-n.-v.-andreeenkova.pdf> (последний доступ: 08.02.2020).

Andreeenkova A. V., Andreeenkova N. V. (2019) Comparative Analysis of Life Satisfaction Determinants in Russia and in Europe. *Discourse*. No. 1. P. 67—81. URL: <https://discourse.etu.ru/assets/files/a.-v.-andreeenkova-n.-v.-andreeenkova.pdf> (accessed: 08.02.2020). (In Russ.)

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Счастье и его детерминанты (статья 2) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 66—76.

Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnova A. I. (2016) Happiness and its Determinants (Part 2). *Sociological Studies*. No. 1. P. 66—76. (In Russ.)

Сорокин П. А. Социологический прогресс и принцип счастья // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов. М.: Политиздат, 1992. С. 507—513.

Sorokin P. A. (1992). Sociological Progress and the Principle of Happiness. In: Sorokin P. A. *Person. Civilization. Society* / ed. by A. Yu. Sogomonov. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

Черныш М. Ф. Факторы, влияющие на переживание счастья в российском обществе // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2. С. 9—33. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>.

Chernysh M. F. (2019) Factors of Influence on the State of Happiness in the Contemporary Russian Society. *Sociological Science and Social Practice*. Vol. 7. No. 2. P. 9—33. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6407>. (In Russ.)

Abbott P. (2007) Cultural Trauma and Social Quality in Post-Soviet Moldova and Belarus. *East European Politics and Societies*. Vol. 21. No. 2. P. 219—258. <https://doi.org/10.1177/0888325407299774>.

Abbott P., Sapsford R. (2006) Life-Satisfaction in Post-Soviet Russia and Ukraine. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 7. No. 2. P. 251—287. <https://doi.org/10.1007/s10902-005-5563-2>.

Andreenkova A., Scherpenzeel A. C. (1996) Satisfaction in Russia. In: Saris W. E., Veenhoven R., Scherpenzeel A. C., Bunting B. (eds.) *A Comparative Study of Satisfaction with Life in Europe*. Budapest: Eötvös University Press. P. 201—221.

Conzo P., Aassve A., Fuochi G., Mencarini L. (2017) The Cultural Foundations of Happiness. *Journal of Economic Psychology*. Vol. 62. P. 268—283. <https://doi.org/10.1016/j.joep.2017.08.001>.

Diener E., Lucas R. E., Oishi S., Suh E. M. (2002) Looking Up and Looking Down: Weighting Good and Bad Information in Life Satisfaction Judgments. *Personality and Social Psychology Bulletin*. Vol. 28. No. 4. P. 437—445. <https://doi.org/10.1177/0146167202287002>.

Di Tella R., MacCulloch R. J., Oswald A. J. (2003) The Macroeconomics of Happiness. *Review of Economics and Statistics*. Vol. 85. No. 4. P. 809—827. <https://doi.org/10.1162/003465303772815745>.

Ford B. Q., Dmitrieva J. O., Heller D., Chentsova-Dutton Yu., Grossmann I., Tamir M., Uchida Yu., Koopmann-Holm B., Floerke V. A., Uhrig M., Bokhan T., Mauss I. B. (2015) Culture Shapes Whether the Pursuit of Happiness Predicts Higher or Lower Well-Being. *Journal of Experimental Psychology: General*. Vol. 144. No. 6. P. 1053—1062. <https://doi.org/10.1037/xge0000108>.

Inglehart R. F., Ponarin E. D. (2013) Happiness and Democracy, 1972—2008. *Journal of Siberian Federal University*. Vol. 6. No. 8. P. 1097—1105.

Inkeles A., Levinson D. J. (1997) *National Character: A Psycho-Social Perspective*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.

Joshanloo M., Weijers D. (2014) Aversion to Happiness across Cultures: A Review of Where and Why People are Averse to Happiness. *Journal of Happiness Studies*. Vol. 15. No. 3. P. 717—735. <https://doi.org/10.1007/s10902-013-9489-9>.

Namazie C., Sandfrey P. (2001) Happiness in Transition: The Case of Kyrgyzstan. *Review of Development Economics*. Vol. 5. No. 3. P. 392—405. <https://doi.org/10.1111/1467-9361.00131>.

Ostroot N., Snyder W. W. (1985) Measuring Cultural Bias in a Cross-National Study. *Social Indicators Research*. Vol. 17. No. 3. P. 243—251. <https://doi.org/10.1007/bf00319313>.

Sztompka P. (2000) Cultural Trauma: The Other Face of Social Change. *European Journal of Social Theory*. Vol. 3. No. 4. P. 449—466. <https://doi.org/10.1177/13684310022224895>.

Veenhoven R. (2001) Are the Russians as Unhappy as They Say They Are? *Journal of Happiness Studies*. Vol. 2. No. 2. P. 111—136. <https://doi.org/10.1023/a:1011587828593>.

Veenhoven R. (2012) Cross-National Differences in Happiness: Cultural Measurement Bias or Effect of Culture? *International Journal of Wellbeing*. Vol. 2. No. 4. P. 333—353. <https://doi.org/10.5502/ijw.v2.i4.4>.

Приложение 1

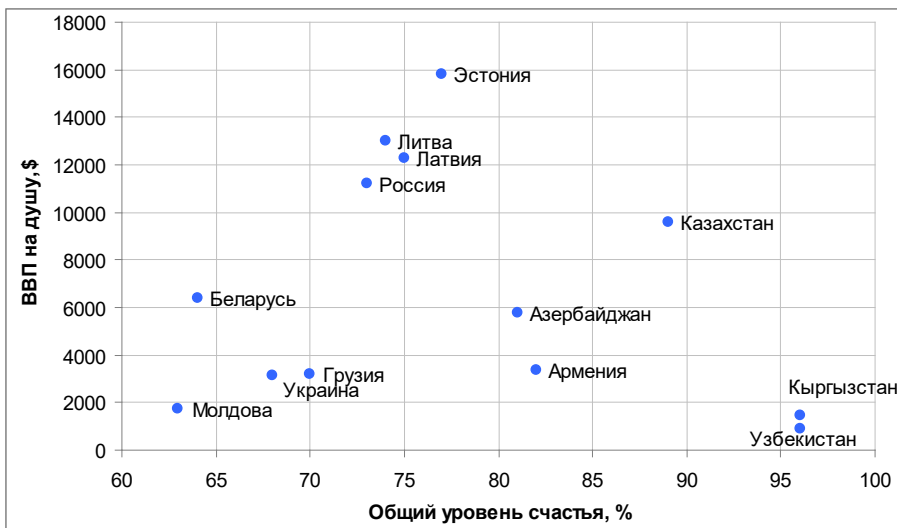

Рисунок 1. Общий уровень счастья и ВВП на душу населения

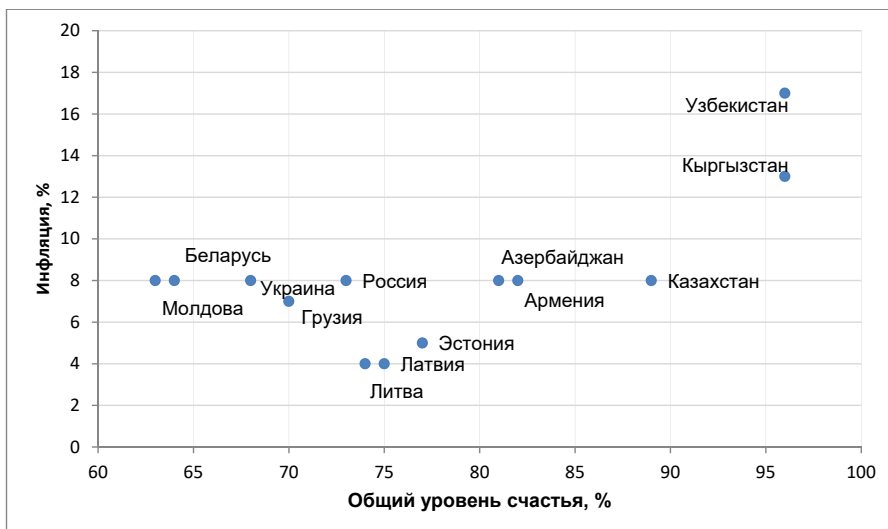

Рисунок 2. Общий уровень счастья и уровень инфляции

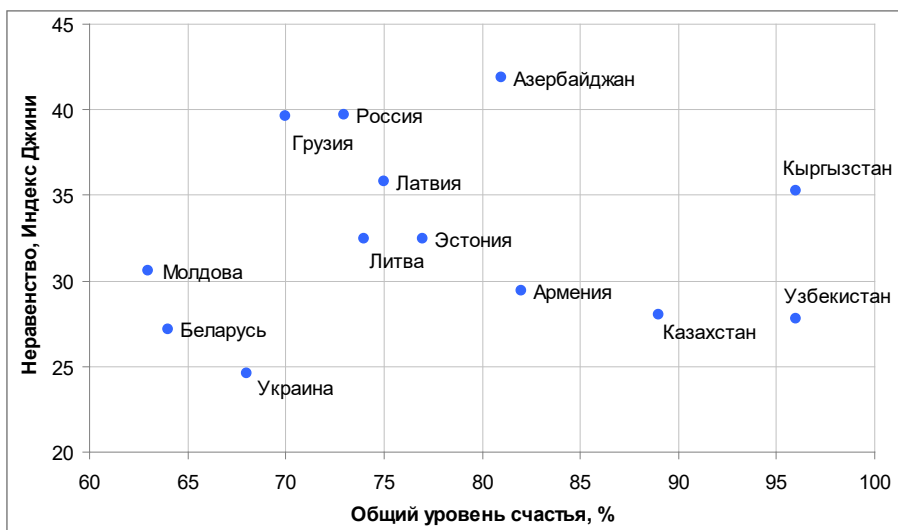

Рисунок 3. Общий уровень счастья и уровень неравенства

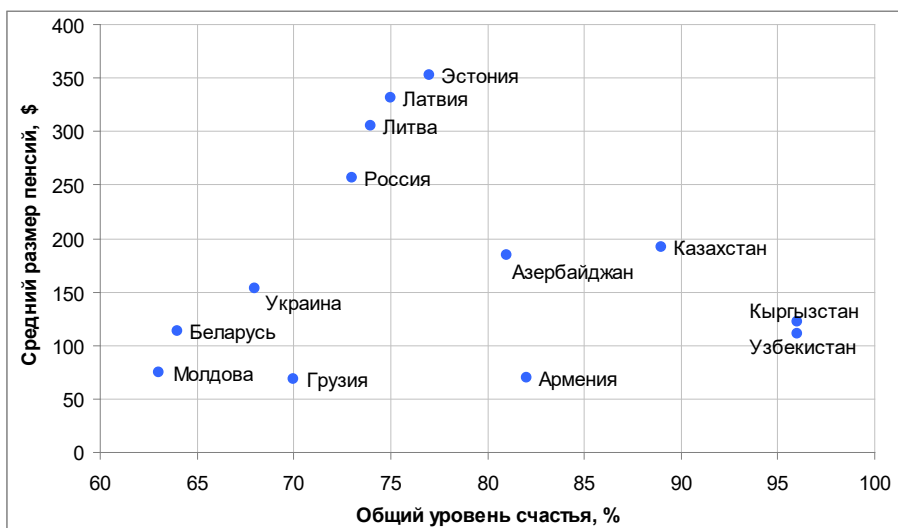

Рисунок 4. Общий уровень счастья и размер пенсий

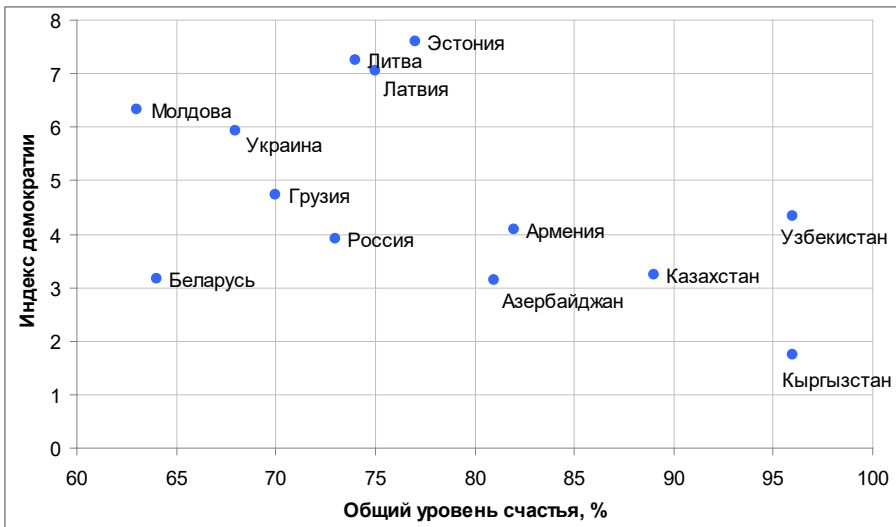

Рисунок 5. Общий уровень счастья и Индекс демократии

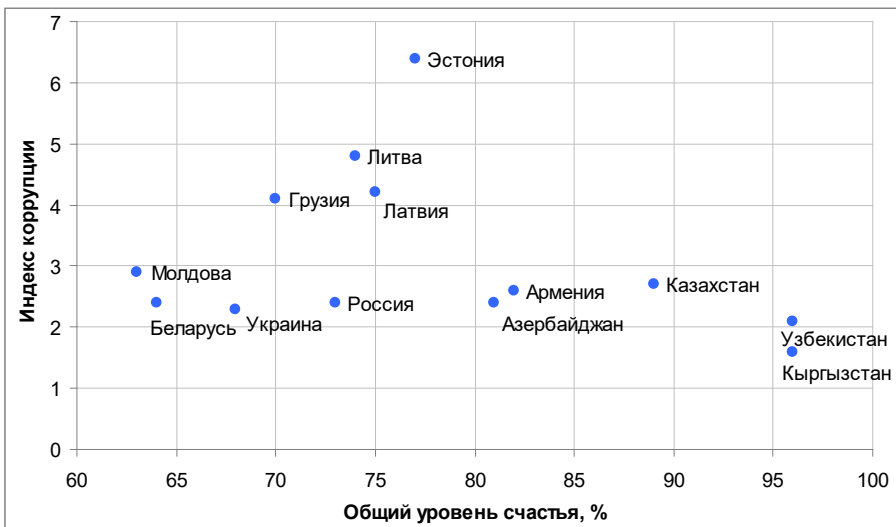

Рисунок 6. Общий уровень счастья и Индекс коррупции

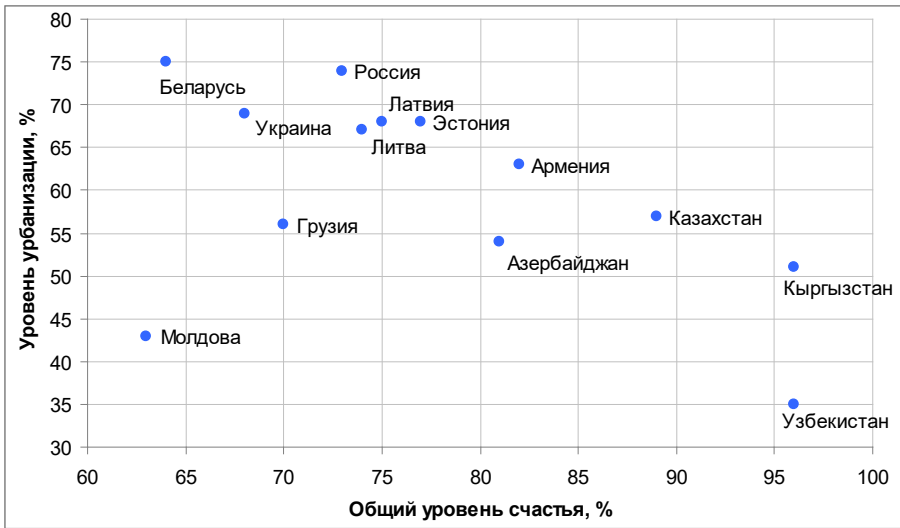

Рисунок 7. Общий уровень счастья и урбанизация

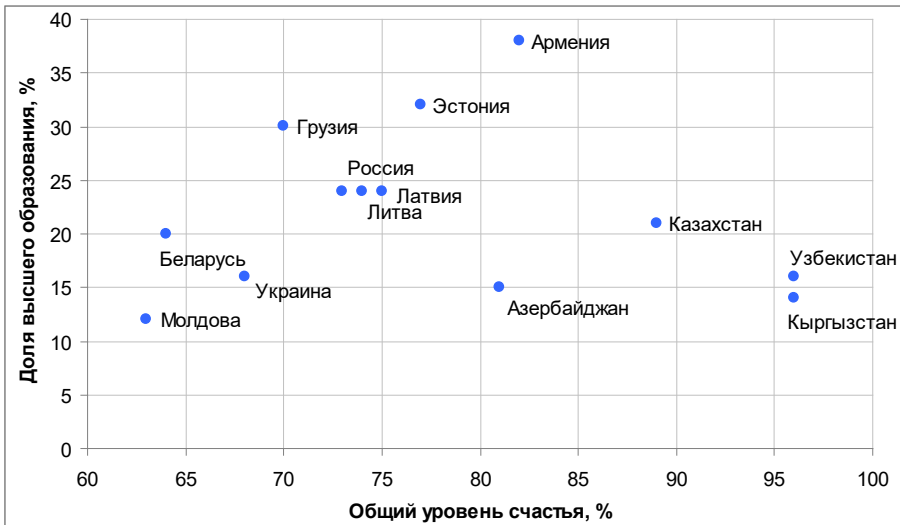

Рисунок 8. Общий уровень счастья и уровень образования

Рисунок 9. Общий уровень счастья и продолжительность жизни

Приложение 2

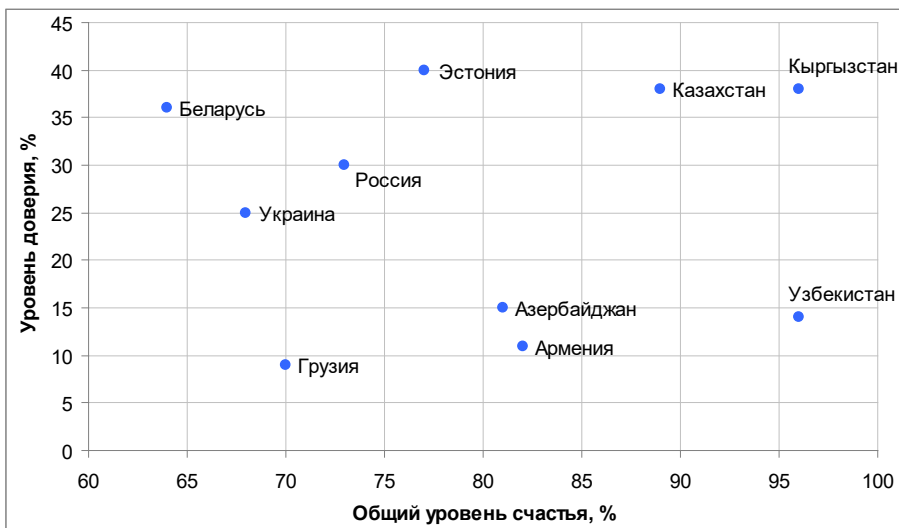

Рисунок 10. Общий уровень счастья и межличностное доверие

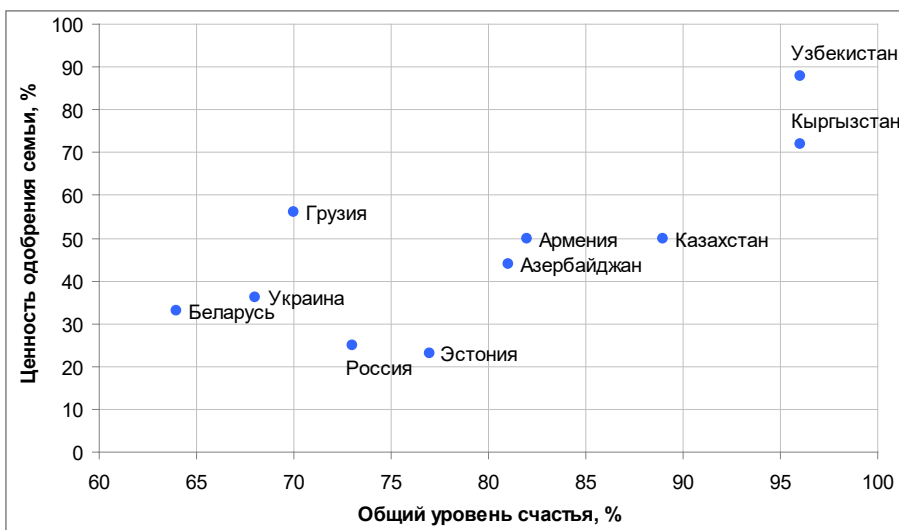

Рисунок 11. Общий уровень счастья и Ценность одобрения со стороны семьи

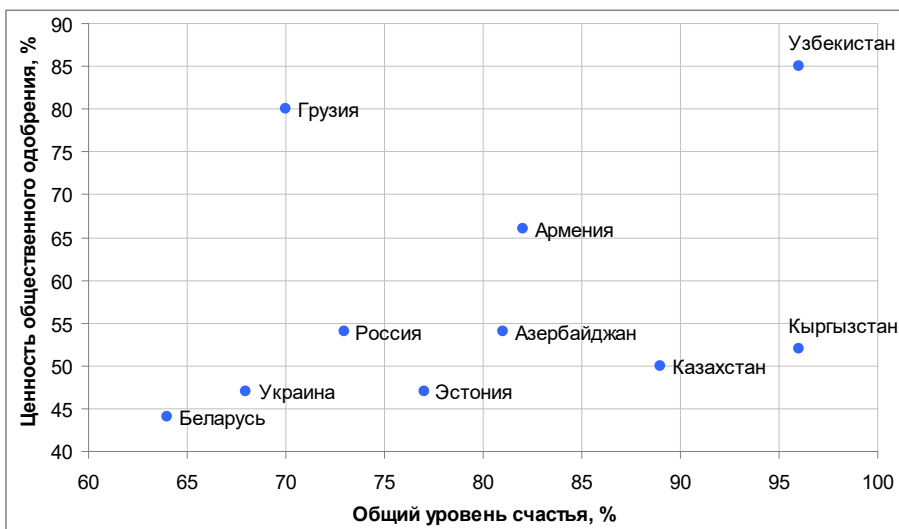

Рисунок 12. Общий уровень счастья и Ценность общественного одобрения

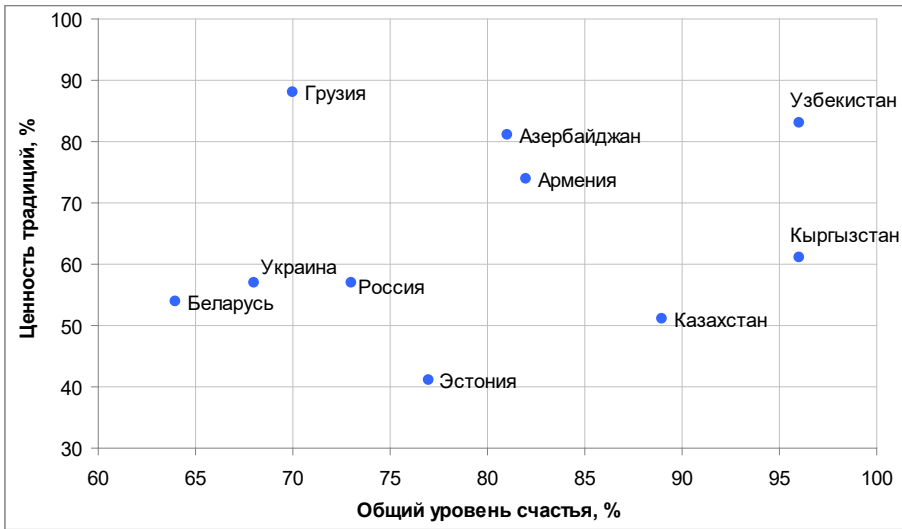

Рисунок 13. Общий уровень счастья и Ценность традиций

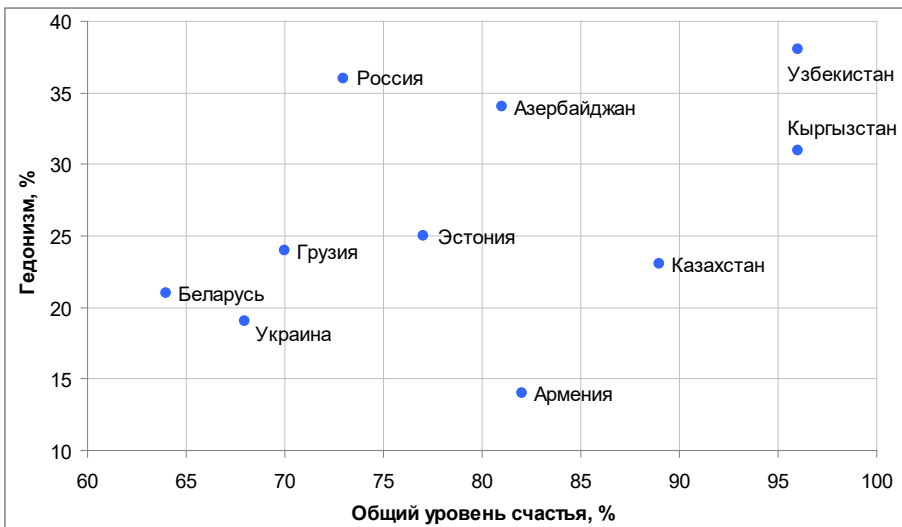

Рисунок 14. Общий уровень счастья и Гедонизм